

УРБАНИЗАЦИЯ И ТЕРРОРИЗМ: ОПЫТ КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА*

Елена Андреевна Смысловских

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Игорь Владимирович Колесников

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Владимир Алексеевич Новиков

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Максим Слав

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Андрей Витальевич Кортаев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Институт Африки РАН

Настоящее исследование имеет своей целью изучить различные механизмы влияния темпа роста урбанизации, а также ее уровня, на террористическую активность. Продолжая линию исследований нелинейности предикторов дестабилизации, мы предполагаем, что эффект обеих рассматриваемых переменных не является линейным. Для его проверки мы дважды делим имеющиеся наблюдения на части: по медианному значению уровня урбанизации и по верхней границе 9-го визинтиля – предполагаемой точке изменения взаимосвязи. Когда используется полная выборка, эффекты либо теряют статистическую значимость, либо становятся пренебрежимо малы в абсолютных значениях. При делении на подвыборки, напротив, мы наблюдаем значимые эффекты: уровень и темп урбанизации стимулируют террористическую активность в начале урбанизации и подавляют – в конце. Этот эффект мы проверяем на робастность в отдельной части работы, используя альтернативное распределение, а также больший набор контрольных переменных. Результаты, полученные нами, встраиваются в общую теоретическую рамку исследований модернизации: мы видим, что общества, находящиеся в процессе модернизации, демонстрируют более высокие уровни нестабильности, чем те, что уже миновали этот период.

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00254).

История вопроса и теоретические основы исследования

Урбанизация играет важную роль в процессе социально-политической дестабилизации. Это происходит преимущественно по двум причинам. Первая заключается в том, что процесс миграции из сел в города связан с более масштабными структурными изменениями в обществе: почти всегда одним из последствий подобных трансформаций становится формирование значительной когорты населения без каких-либо ресурсов и социальных связей во вновь образованном социуме, а значит, неизбежное нарастание недовольства и общественных противоречий (Коротаев, Гринин и др. 2011; Гринин, Коротаев 2012; Mendel, Kornhauser 1959; Smele, Heywood 2005). Обостряющиеся настроения внутри пласта слабо интегрированных в общество недавних переселенцев оборачиваются дестабилизацией модернизирующейся общественной структуры. Вторая причина связана со стратегическим расположением городов: они являются важными логистическими центрами и потому привлекательны для любых агентов дестабилизации (Коротаев, Малков 2014; Coward 2009). В частности, они обеспечивают базу человеческих ресурсов для террористических организаций, что является ключевым условием их устойчивости. Более того, проведение террористического акта в крупном городе нанесет больший урон в виде атмосферы коллективного страха, неудобств и дискомфорта среди жителей (Mccartan *et al.* 2008), поскольку террористы чаще всего атакуют критическую для города инфраструктуру с целью дестабилизировать привычную жизнь горожан.

Терроризм определяется как «преднамеренное использование насилия субнациональными группами для достижения политических, религиозных или иных идеологических целей» (*Ibid.*: 61). При этом, несмотря на то, что в данной работе мы фокусируемся именно на терроризме, наши выводы могут быть перенесены в том числе и на другие проявления политического насилия.

Принимая во внимание, что урбанизация является одним из главных индикаторов процесса модернизации (см., например: Зинькина и др. 2017), мы говорим о разных возможных механизмах влияния урбанизации на терроризм. Во-первых, мы отталкиваемся от предыдущих исследований, утверждающих линейную взаимосвязь по ряду причин: а) большее количество городов означает

большее число возможных мишеней для терактов; б) рост миграции из сел в города приведет к более обширной прослойке пролетариата первого поколения, испытывающего недовольство. Однако, как отмечает С. Хантингтон (Huntington 1968), обе заявленные взаимосвязи могут быть криволинейными (см. также: Коротаев и др. 2017). Мы предполагаем, что, как любой другой индикатор модернизации, урбанизация может иметь обратную U-образную корреляцию с нестабильностью. Хантингтон также говорит о дестабилизирующих факторах в начале модернизационного процесса, когда социальное взаимодействие принимает форму (используя этимологию Э. Дюркгейма) «механической солидарности»; иными словами, в условиях, при которых индивиды еще недостаточно адаптированы к жизни в сложных обществах. При этом с течением времени развиваются новые институты, а социальное взаимодействие переходит в стадию так называемой «органической солидарности»; как пишет Хантингтон, индивиды обучаются искусству совместной ассоциации. Это означает, что проблемы, вызванные миграцией из сел в города, могут быть по крайней мере частично нейтрализованы. В то же время более высокий темп такой миграции ускоряет модернизацию – первостепенное условие повышения качества жизни населения.

Исходя из имеющихся теоретических предпосылок, мы считаем важным рассмотрение эффектов как самого уровня урбанизации, так и темпа роста городского населения, поскольку при исключении какого-либо из указанных факторов мы рискуем упустить некоторые важные составляющие искомых взаимосвязей. Более того, мы тестируем как линейную, так и нелинейную взаимосвязи на основании того, что существуют гипотезы в поддержку обеих.

Наше исследование состоит из нескольких частей. Вначале мы приводим обзор литературы и теорий, а также описываем гипотезы для последующего тестирования. Далее следует описание используемых данных и проведенных нами модификаций: в частности, мы описываем метод анализа с разделением имеющихся наблюдений по терактам на подвыборки на основе наблюдаемых трендов. Это и дает нам возможность протестировать нелинейную взаимосвязь. В основной части работы мы приводим результаты оценки моделей с использованием негативной биномиальной регрессии. Для проверки найденных взаимосвязей на устойчивость к альтер-

нативным спецификациям модели мы тестируем эффект с использованием альтернативного – квазипуассоновского распределения. Более того, валидность результатов подкрепляется также при помощи включения в модель альтернативных объяснительных переменных, которые генерируются на основе существующих теорий, отличных от магистрального объяснения причин роста террористической активности. Наконец, мы приводим описание реальных кейсов, подтверждающих полученные результаты моделей и часть выдвинутых нами гипотез.

Предварительные замечания

В работе мы исходим из трех магистральных направлений взаимосвязи между урбанизацией и терроризмом. Во-первых, существует ряд причин, описанных в литературе, по которым террористы выбирают города и густонаселенные городские районы в качестве своих целей. Во-вторых, сам по себе процесс урбанизации может повышать вероятность того, что среднестатистический житель города окажется террористом. В-третьих, урбанизация может быть неразрывно связана с другими составляющими общего процесса модернизации, которая, в свою очередь, провоцирует террористическую активность. Мы описываем эти составляющие в данном разделе в связи с тем, что они будут включены в качестве контрольных переменных в основной части при моделировании исследуемых эффектов. Наконец, мы выдвигаем альтернативные гипотезы, которые будут протестированы в части проверки найденной взаимосвязи на устойчивость к альтернативным спецификациям модели. Исходя из этого, обзор литературы разделен на три части: в первой мы приводим ряд обоснований, почему города привлекают террористов, затем рассматриваем эффект темпа урбанизации во второй части и, наконец, приводим альтернативные объяснения влияния урбанизации на терроризм. Мы приходим к выводу, что в предыдущих исследованиях урбанизация проявила себя в качестве как положительного, так и отрицательного предиктора терроризма, а потому мы вынуждены поставить под вопрос линейность взаимосвязи урбанизации и терроризма.

Почему города становятся мишенями террористов?

Сегодня основная школа мысли о терроризме рассматривает террористов как рациональных субъектов. Терракт как таковой рассматривается как средство «торга» с другой стороной, что заставляет обычных граждан находиться в страхе перед прямой физической угрозой жизни, а также подталкивает правительство к тому, чтобы пойти на уступки, тем самым позволив террористическим организациям добиться своих целей. Террористы стараются получить больше сторонников, что иногда приводит к неоднозначности их выбора: граждане стран-жертв могут сочувствовать возможным сторонникам террористов (Adelaja, George 2019; McCartan *et al.* 2008), поскольку они оказываются связаны с теми группами, которые дискриминированы в системе. Что касается выбора новобранцев, то квалифицированные, обладающие необходимыми знаниями потенциальные кандидаты сосредоточены в городе, и это важно для террористических организаций, которые проверяют новобранцев на качество вместо того, чтобы рекрутировать тех добровольцев, которые изъявляют больше желания, но часто не имеют образования или необходимых навыков (De Mesquita 2005). Выбор цели также тщательно просчитывается, и есть несколько причин, по которым города более популярны в качестве целей. Во-первых, терракт в городе привлечет больше внимания по сравнению с террористическим актом в сельской местности (Campos, Gassebner 2013; McCartan *et al.* 2008; Tavares 2004), а близость к городам иногда оказывается положительно значимым предиктором (Python *et al.* 2019). Во-вторых, как утверждают некоторые исследователи, хотя террор зарождается в местах высокого социального напряжения при одновременной мобилизации ресурсов, он часто распространяется на глобально ориентированные, уязвимые города с высоким потенциалом передачи «послания» в мировое сообщество (Savitch, Ardashev 2001). Это может создать такой процесс, который некоторые исследователи называют «порочными кругами» терроризма, возникающими в результате непрерывных циклов терроризма и ответов на него со стороны государства (Beall 2006). В-третьих, некоторые действия террористов нацелены не столько на создание ат-

мосферы страха, сколько на разрушение критически важной инфраструктуры: они атакуют системы связи, логистики и т. д. с целью подорвать привычный образ жизни граждан (Coward 2009). Такие стратегические точки чаще всего сосредоточены в городах. Так или иначе, с точки зрения террористов, города в качестве целей предпочтительнее, чем сельские районы, хотя бы потому, что проведение террористического акта в городской среде даст больший эффект при тех же издержках по сравнению с сельской средой. Поскольку предыдущие исследования в основном не предполагали, что эффект различен на разных уровнях урбанизации, наше первое предположение и первая гипотеза состоят в следующем: влияние городского населения на количество террористических актов является положительным для всех уровней урбанизации.

Положительная связь проявила себя в нескольких исследованиях (Tavares 2004), и, что показательно, городское население в качестве предиктора иногда оказывает более сильное влияние, чем ВВП на душу населения (Campos, Gassebner 2013). Тем не менее исследования скрытого недовольства в Африке (Adelaja, George 2019) говорят о неоднозначности упомянутой взаимосвязи: недовольство не проявляется явно, но существует в латентной форме и оборачивается беспорядками и терактами. Было обнаружено, что скрытое недовольство имеет значительную отрицательную связь с урбанизацией, но исследователи объяснили эту связь особенностями организации террористов и осуществления территориального контроля. Наконец, одно из направлений исследования показывает значимое отрицательное влияние урбанизации на уровень террористической активности для поздних фаз урбанизационного перехода (Васькин и др. 2018; Korotayev *et al.* 2019). Это привело нас к предположению, что связь между уровнем урбанизации и количеством террористических актов на самом деле криволинейна.

Нужно отметить, что предпринимались попытки проверить криволинейность влияния более общих детерминант терроризма. Например, есть доказательства, подтверждающие существование криволинейной связи между экономическим развитием и терроризмом (Васькин и др. 2018; Enders, Hoover 2012; Enders *et al.* 2016; Gassebner, Luechinger 2011; Ghatak, Gold 2017; Korotayev *et al.* 2019; Lai 2007). Тем не менее исследования еще не выявили нели-

нейных взаимосвязей между урбанизацией – как ее общим уровнем, так и темпом – и терроризмом. В некоторых исследованиях использовались методы OLS (Tavares 2004), которые не в полной мере соответствуют характеру исследуемых данных (Kis-Katos *et al.* 2011), или проверялись только корреляции, однако не было обнаружено четких результатов для урбанизации в качестве предиктора (Newman 2006). А потому исследование нелинейной зависимости с помощью более подходящих статистических методов, возможно, заслуживает большего внимания. Природа этой криволинейности была обозначена С. Хантингтоном (Huntington 1968: 41): современное общество с какого-то момента становится более стабильным во всех смыслах, однако сама по себе модернизация как переходный период порождает нестабильность. Что касается урбанизации, мы ожидаем, что нестабильность возрастает в начале процесса (период, когда также начинается модернизация) и смягчается в его конце. Это подводит нас ко второй гипотезе: влияние городского населения на количество террористических актов положительно в начале процесса урбанизации и отрицательно в конце этого процесса. Однако отметим, что если в первой гипотезе причина эффекта связана с относительной легкостью совершения террористических актов в городах, то вторая гипотеза основана на том, что причина эффекта кроется в социальных изменениях.

Темп урбанизации

Как утверждал В. Корнхаузер, *«быстрый приток большого числа людей в новые развивающиеся городские районы вызывает массовые движения»* (Kornhauser 1959: 145). Эта проблема в разных работах изучается под разным углом.

Во-первых, люди, которые переезжают из родных деревень в города, не имеют надлежащих социальных связей, что делает их более уязвимыми в психологическом плане. Как показывает исследование террористической активности в начале XX в. (Geifman 2005), террористы – как мигранты из деревень, так и остальные – страдали серьезными психологическими проблемами, и терроризм стал одним из механизмов защиты психики. В исследовании также утверждалось, что по крайней мере половина террористов, которые являлись при этом социалистами-революционерами, – это пролетариат первого поколения, состоящий из приезжих из деревень.

Б. Н. Миронов, говоря о том же самом периоде в истории России, отмечает среди молодых недавних переселенцев из деревни в город особо высокий уровень преступности и иных форм девиантного поведения (Миронов 2013).

Во-вторых, быстрый рост городов обычно означает, что жизнь многих граждан не соответствует достойному или, по крайней мере, базовому для городского населения уровню жизни (Коротаев, Малков 2014; Ibimilua 2011; Yue 2008). Иногда они также могут подвергаться дискриминации, например в случае установления ограничений по регистрации. Это делает пролетариат в первом поколении особенно уязвимым перед различными социальными проблемами. Также есть подтверждение тому, что степень летальности терроризма и частота смертельных атак обусловлены антагонистическими механизмами (Python *et al.* 2019). Утверждается, например, что вероятность того, что нападение приведет к летальному исходу, выше в более бедных районах, подверженных нестабильности и конфликтам, в то время как сами атаки чаще направлены на более богатые и процветающие районы. Следовательно, темп урбанизации является релевантным для исследования предиктором терроризма, поскольку включает в себя фактор влияния стадии экономического развития.

Насколько нам известно, было несколько попыток проверить такую взаимосвязь напрямую; однако по ряду причин мы не можем назвать их исчерпывающими. Прямых доказательств того, что рост городского населения может быть причиной роста террористических атак, нет, пока имеет место опосредующий эффект социального неравенства и неравного доступа к таким ресурсам, как образование и основные общественные услуги (Østby 2016). Следовательно, индивидуальное и коллективное неравенство, а также относительная депривация создают мотивацию для политического насилия среди мигрантов из сельской местности в города. Таким образом, эффект от такой миграции косвенный.

В другом исследовании рост населения города тестируется как предиктор случаев городского насилия со смертельным исходом (Buhaug, Urdal 2013). Хотя результаты этих авторов показывают, что прямая связь незначительна и городское насилие не связано с ростом численности горожан, их оценки все же свидетельствуют, что при некоторых условиях рост городов может увеличить коли-

чество смертельных случаев насилия в городе, что, несмотря на низкую значимость, все же наблюдается с положительным коэффициентом: например, эффект взаимодействия экономического шока и роста населения города оказался положительным.

Мы предполагаем, что отсутствие прямой связи может быть результатом плохого выбора показателей. И, возможно, было бы более уместно сосредоточиться на доле, а не на численности городского населения, чтобы рассматривать разные периоды урбанизации. Помимо упомянутых выше результатов, возможная связь выявила себя в других качественных исследованиях. В ряде работ (Коротаев, Зинькина 2010а; 2010б; 2011а; 2011б; 2012; Коротаев, Халтурина, Малков и др. 2010; Коротаев, Халтурина, Кобзева и др. 2011; Коротаев 2012; Коротаев, Малков и др. 2012; Korotayev, Zinkina *et al.* 2011; Korotayev 2014; Korotayev, Malkov, Grinin 2014) исследователи упоминают, что повышенные уровни социально-политической дестабилизации могут характеризовать общества на средних фазах демографического и урбанизационного перехода. Однако эти исследования были направлены на изучение динамики не терроризма как такового, а политического насилия в целом. В связи с этим мы хотим сосредоточить внимание на чисто террористических событиях как предмете исследования из-за существенной разницы в природе изучаемого насилия. В других исследованиях (Korotayev *et al.* 2019) также пытались объяснить отрицательную связь между уровнем урбанизации и терроризмом отрицательной взаимосвязью между уровнем урбанизации как таковым и темпами урбанизации. Однако связь между темпами урбанизации и терроризмом напрямую не проверялась, что подводит нас к следующим двум гипотезам.

С одной стороны, проведенные ранее исследования не указывают на однозначное существование криволинейности. Таким образом, третья гипотеза исследования заключается в следующем: темп урбанизации положительно влияет на количество террористических актов на всех уровнях урбанизации. Однако если С. Хантингтон (Huntington 1968: 5) прав, возможно, главная проблема заключается не только в изменениях. Как он предполагает, *«нестабильность... проистекает именно из следующего противоречия: равенство политического участия растет намного быстрее, чем "искусство объединения людей"»*. Если социальные и политиче-

ские институты становятся более прочными по мере продолжения модернизации, недовольство пролетариата первого поколения легче преодолеть и, следовательно, продолжение модернизации не усиливает, а снижает нестабильность. Таким образом, четвертая гипотеза состоит в следующем: темп урбанизации положительно влияет на количество терактов в начале урбанизации и отрицательно влияет на количество терактов на завершающих фазах урбанизационного перехода.

Эффект других модернизационных переменных

Вслед за тезисом Хантингтона (Huntington 1968), мы предполагаем, что другие составляющие модернизации могут быть причиной дестабилизации, а потому их следует включить в анализ в качестве контрольных переменных.

Экономические факторы

Влияние экономического развития на терроризм также было широко рассмотрено в исследовательском поле. Так, оценивалась вероятность того, что в государстве произойдет больше террористических атак в зависимости от темпа развития или же уровня благосостояния.

Есть много свидетельств тому, что бедность продуцирует терроризм как часть общих процессов политической нестабильности и гражданских беспорядков. Многие государства признают опасность бедности как почвы для терроризма, что отражается в проводимой ими политике (Kahn, Weiner 2002). Исследования были сконцентрированы вокруг каузальности между экономическим развитием и терроризмом, а полученные результаты разнятся.

В некоторых исследованиях утверждается, что терроризм характерен не для самых бедных стран, а для развивающихся экономик, где необходимость в экономическом развитии возникает с наибольшей необходимостью (Васькин и др. 2018; Daniel, Thomas 2013). Низкие издержки на организацию терроризма в странах с замедленным экономическим ростом приводят к возникновению большего числа террористических организаций, однако данный эффект прослеживается только после того, как был достигнут определенный уровень развития (Freitag *et al.* 2011). Авторы исследования также приходят к выводу, что каузальность между тер-

роризмом и экономическим ростом нестабильна во времени и различается в разных странах, что отражает эффект меняющихся географических и идеологических тенденций в терроризме, связанных с концом холодной войны. Двойственный эффект роста проявляется по-разному в сельском хозяйстве и промышленности и приводит к разным результатам в зависимости от типа развития экономики. Несмотря на общий положительный эффект стабильного экономического роста в предотвращении внутреннего и международного терроризма, некоторые его виды – в частности, совершенные террористами-смертниками – чаще происходят в процветающих государствах со стабильным индустриально обусловленным ростом (Seung-Whan 2015).

Другие работы, напротив, не подтверждают того, что экономическое развитие влияет на терроризм. А такие предикторы, как население, этнорелигиозные противоречия, повышенная репрессивность государства и структура партийной политики, оказываются более значимыми предикторами терроризма по сравнению с экономическим ростом – это означает, что социальные расколы должны быть в первую очередь приняты во внимание в качестве объясняющих переменных (Abadie 2006; Piazza 2006). Однако все же нельзя оставлять экономический рост в стороне, поскольку есть подтверждение тому, что уровень терроризма ниже в странах с более благоприятными экономическими условиями, в частности, в тех из них, которые получают иностранную помощь от более развитых государств (Azam, Delacroix 2006; Gassebner, Luechinger 2011). Кроме того, в целом ряде работ была показана криволинейная зависимость между экономическим развитием и террористической активностью (Васькин и др. 2018; Enders, Hoover 2012; Enders *et al.* 2016; Gassebner, Luechinger 2011; Ghatak, Gold 2017; Korotayev *et al.* 2019; Lai 2007).

Наши предположения о связи между урбанизацией и терроризмом проистекают из того факта, что стабильные условия чаще характерны для наиболее низких и наиболее высоких уровней урбанизации. Тем самым взаимосвязь с большой вероятностью будет положительной на первых фазах урбанизационного перехода, а на его поздних фазах перейдет в негативный тренд.

Политические факторы

Еще один вектор исследований сконцентрирован на политических предикторах терроризма, и основные объяснения сводятся к трем объяснительным механизмам. Во-первых, демократии хуже показывают себя с точки зрения борьбы с терроризмом в связи с более низкими возможностями аппарата принуждения (Eubank, Weinberg 1994; 2001; Schmid 1992). Демократические режимы устанавливают ограничения на исполнительную власть, которые усложняют процесс принятия и исполнения законов, направленных против террористической активности, что облегчает деятельность террористических организаций (Kis-Katos *et al.* 2011). Во-вторых, политическая нестабильность и неспособность государства в полной мере подавить внутренние политические конфликты приводят к терроризму (Campos, Gassebner 2013; Piazza 2009; Tavares 2004), в то время как более стабильные и устойчивые во времени режимы связаны со сниженным числом терактов.

Третий объяснительный механизм признает за демократиями способность более эффективно снижать уровень потенциальной террористической активности на уровне социума за счет открытости системы, которая создает возможности для выражения интересов социальными группами с меньшими издержками. Таким образом, более инклюзивная система предлагает лучшие условия для регулирования возникающих конфликтов в сопоставлении с жесткими ограничениями и принудительной силой. Как заявляют некоторые исследователи, снизить внутренний и международный терроризм возможно именно за счет борьбы с существующими социальными конфликтами и реализации политики социального благосостояния: экономическая нестабильность, неравенство, бедность, политико-религиозный экстремизм – все эти процессы становятся почвой для терроризма, а при наличии экономической поддержки со стороны государства могут быть смягчены (Burgoon 2006). Таким образом, демократические режимы создают больше условий для ненасильственного политического выражения политических интересов, а потому недовольство с меньшей вероятностью перейдет в форму терроризма и скорее будет выражено в более мирной форме артикуляции интересов (Eugerman 1998). А поскольку «терроризм является эффективной стратегией для небольших организаций, тяготеющих к крайним идеологическим убеждениям, которые

вместе с тем нацелены на привлечение внимания к их проблемам, провокацию государства, запугивание противников, а вместе с тем привлечение сторонников и удержание преданной аудитории» (Crenshaw 1981), сама по себе организация большего числа каналов выражения групповых интересов, снижение социального напряжения могут снизить частоту террористических атак, к которым прибегают в качестве способа выражения интересов.

При этом влияние режима на терроризм все же не является однозначным. Недавнее исследование показало устойчивую картину криволинейной зависимости терроризма от политического режима (Gaibullov *et al.* 2017; см. также: Васькин и др. 2018; Korotayev *et al.* 2019). В нашем исследовании мы используем индекс *Polity5* (Center for Systemic Peace) для проверки предполагаемой взаимосвязи.

Образование

Влияние образования на терроризм также получило широкое рассмотрение в литературе и также показало неоднозначные результаты. Несмотря на ранее преобладающие аргументы в пользу иностранной поддержки и организации образовательных систем с помощью иностранных государств как необходимых шагов по борьбе с терроризмом, более поздние работы демонстрируют наличие положительной связи образования с уровнем терроризма (Berrebi 2007), выявляя, что распространение среднего и высшего образования может вести к увеличению уровня террористической активности. Объяснения, как правило, основаны на теории рационального выбора (Azam 2012) и том факте, что террористические организации, уже упомянутые ранее, стратегически набирают достаточно образованные кадры в свои ряды (De Mesquita 2005). Тем не менее свидетельства в пользу отрицательной связи или даже отсутствия связи также имеют место: само по себе образование не всегда показывает статистически значимый эффект, но служит катализатором неблагоприятных политических и социально-экономических условий.

Таким образом, образование служит медиатором с точки зрения заявленной взаимосвязи (Brockhoff *et al.* 2010; Danzell *et al.* 2018; Kueger, Malečková 2003). Поэтому использование эффекта взаимодействия более релевантно в данном случае, и это подтверждается недавним исследованием: интенсивность террористических атак возрастает вместе со средним числом лет обучения вплоть до уров-

ня 3–6 лет, а затем снижается на более высоких уровнях образования (Korotayev *et al.* 2019). Учитывая эти результаты, мы ожидаем положительную взаимосвязь между уровнем образования и терроризмом на более ранних фазах урбанизационного перехода и отрицательную – на более поздних фазах.

Гражданские свободы и групповая дискриминация

Дискриминация и ущемление гражданских свобод в любой форме становятся причиной фрустрации, гнева и проистекающих из них экстремизма и терроризма (Geifman 2005; Skoczylis, Andrews 2019). В настоящем исследовании мы говорим о наиболее распространенных типах дискриминации: гендерном, религиозном, этническом. Женщины составляют половину населения, однако при этом зачастую эта социальная группа подвергается дискриминации на институциональном уровне, но сравнительно редко выражает несогласие в форме терроризма: участие женщин в террористической деятельности остается гораздо более низким, чем участие мужчин (Ness 2007). Ранее отмечалось, что их участие в рабочей силе коррелирует со снижением в количестве террористических атак. В связи с этим мы предполагаем, что более низкий уровень гендерной дискриминации в стране снижает уровень террористической активности. Общий же уровень гражданских свобод в данной работе рассматривается с опорой на индекс *Polity5* (Center for Systemic Peace 2020).

Иные предикторы терроризма

Многие исследования терроризма упоминают в качестве значимого предиктора численность населения (Gassebner, Luechinger 2011). Влияние этого фактора довольно предсказуемо: при прочих равных, в крупных государствах будет происходить большее количество террористических атак за счет большего числа возможностей и в связи с тем, что, как отмечается, крупные государства гетерогенны и подвержены более сильному внутригрупповому напряжению (Burgoon 2006).

Другие гипотезы концентрируются на медиарепрезентации более крупных государств: они привлекают больше внимания, за счет чего в них труднее производить жесткий контроль и наблюдение за

населением. Тем самым отдача от террористической атаки в крупных государствах более вероятна (Dreher, Fischer 2010; Eyerman 1998). Наконец, урбанизация и демографический переход сами по себе являются составными частями процесса модернизации и часто могут совпадать. В связи с этим важно включить в анализ рост населения как такового в качестве потенциального предиктора роста террористической активности.

В случае международного терроризма исследователи выделяют ряд причин, по которым города становятся потенциальными целями террористов. Среди них относительная физическая доступность, символизм, потенциально более высокий материальный ущерб, а также изолированность как катализатор существующих недовольств (Magineau *et al.* 2020). Так, близость города к внешней границе облегчает доступ террористических организаций к нему, в то время как расположение рядом со столичными территориями позволяет транслировать «мессадж» организации, тем самым эксплуатируя символические характеристики города, а также наносить больший материальный ущерб.

Методология исследования и используемые данные

Для проверки первых двух гипотез о влиянии уровня урбанизации на терроризм мы используем количество террористических атак в стране в течение одного года в качестве зависимой переменной и долю городского населения как основную независимую переменную. Для проверки двух последующих гипотез о влиянии темпов урбанизации на терроризм мы используем средний рост доли городского населения за пятилетний период. Мы не используем изменение урбанизации за год, поскольку один год является недостаточным сроком, в течение которого можно ожидать, что мигрант станет террористом.

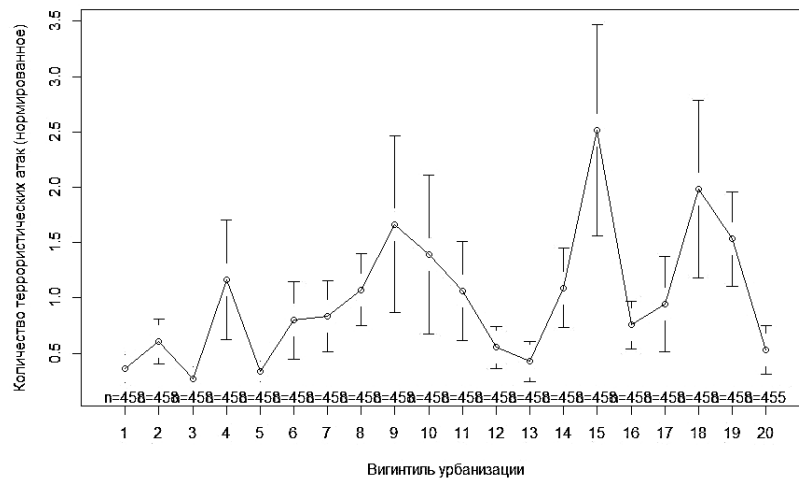

Рис. 1. Распределение количества терактов по вигинтилям¹ урбанизации

Источники данных: START 2020; UNPD 2020.

Чтобы протестировать предполагаемую криволинейную зависимость, мы разделили наши данные на две подвыборки по медианному уровню урбанизации. Таким образом, мы контролируем возможную криволинейность как урбанизации, так и других контрольных переменных. Мы основываемся на графике распределения нормированного числа терактов² (в ходе эмпирического анализа мы используем ненормированную переменную, так как включаем население страны в качестве контроля) по уровням урбанизации для каждого вигинтиля (см. Рис. 1). Так как точка перегиба находится скорее между 9-м и 10-м вигинтиями, нежели между 10-м и 11-м (на уровне медианы), мы используем в анализе оба варианта разделения на подвыборки.

Также мы исключили некоторые наблюдения из выборки, а именно: страно-года с ростом (или убылью) городского населения более чем на 5 процентных пунктов и наблюдения, для которых нормированное на население количество терактов превышает 100.

¹ Под вигинтием мы понимаем 1/20 часть выборки наблюдений, упорядоченных по уровню урбанизации.

² На 100 млн человек.

Таким образом мы избегаемся от нетипичных наблюдений. В первом случае большой приток населения в города или из них может быть признаком аномальных социально-политических явлений: например, волонтаристская политика Пол Пота. Также мы исключаем ситуации, при которых на 1000 человек в стране-году приходится один теракт. Это соответствует очень специфическому случаю Ватикана, где число граждан невелико (и, следовательно, естественная склонность к совершению нападения также невысока); однако из-за большого количества туристов и граждан Италии (не включенных в состав населения Ватикана) он относительно высок. В связи с этим мы ожидали, что контроль на население не сможет в должной мере отобразить эту ситуацию и решили исключить этот кейс.

Полный список переменных, включая их источник, можно найти в Табл. 1. Все модели включают фиксированные эффекты на страну и на год.

Табл. 1. Используемые переменные

Переменная	Годы	Описание	Измерение	Значение/уровень	Источник
<i>Количество террористических атак</i>	1970–2018	Количество террористических атак, произошедших за год в стране	Единицы	0 – низкий уровень	START 2020
<i>Уровень урбанизации</i>	1950–2018	Доля городского населения	%	0 – низкий уровень	UNPD 2020
<i>Темп урбанизации (пятилетнее среднее)</i>	1950–2018	Изменение доли городского населения – в среднем за 5 лет	В проц. пунктах	0 – низкий уровень	UNPD 2020
<i>Размер населения</i>	1960–2019	Население страны за год	Человек	0 – низкий уровень	UNPD 2020
<i>ВВП на душу населения</i>	1960–2019	ВВП на душу населения по ППС в ценах базового 2017 г.	Международные доллары	0 – низкий уровень	World Bank 2020
<i>Политический режим</i>	1919–2017	Индекс <i>Polity5</i>	Дискретная переменная	-10 – чистая автократия, 10 – чистая демократия	Center for Systemic Peace 2020

Окончание Табл. 1

Переменная	Годы	Описание	Измерение	Значение/ уровень	Источник
Государственная состоятельность	1950–2018	Среднее количество лет обучения среди населения	В годах	0 – низкий уровень	UNDP 2020
Беженцы	1960–2017	Значение WDI для количества беженцев	Численность беженцев	Численность беженцев	World Bank 2020
Уровень участия женщин в рабочей силе	1960–2019	Доля экономически активных женщин среди общей численности женского населения трудоспособных возрастов	В процентных пунктах	0 – низкий уровень	World Bank 2020
Политические свободы	1972–2017	Агрегированный индекс свобод (средний показатель для уровня гражданских свобод и уровня политических прав)	В единицах	1 – высокий уровень свобод, 10 – низкий уровень	Freedom House 2020

Используемая нами зависимая переменная представляет собой количество террористических атак в отдельной стране в определенный год, то есть представляет собой счетные данные (целые числа больше нуля или равные нулю). В таких случаях используются пуассоновские регрессионные модели. Тем не менее пуассоновское распределение предполагает равенство среднего и вариации и, как следствие, уязвимо перед чрезмерной вариацией данных (ситуацией, где вариация превосходит среднее). Максимальное количество террористических атак в отдельной стране в течение одного года равно 3774, в то время как среднее количество террористических атак в стране за год равно 17,633. Поэтому мы отдаем предпочтение негативной биномиальной и квазипуассоновской регрессиям. Оба семейства моделей решают проблему чрезмерной дисперсии. Мы используем оба вида моделей в секции «Устойчивость эффек-

тов» и отдельно негативные биномиальные модели³ в эмпирической главе.

Результаты тестирования

Мы используем разные стратегии для оценки влияния урбанизации на террористическую активность. Среди них два способа операционализации ключевой независимой переменной, а именно: доля городского населения в отдельной стране в определенный год и средний рост доли городского населения за пятилетний период. Помимо этого, для проверки устойчивости наших оценок мы используем два вида индикаторов для контроля политического режима: оценку индекса *Polity5* (Center for Systemic Peace 2020) и индекс *Freedom House* (2020). Наконец, мы также пользуемся двумя способами моделирования криволинейности – квадратичным эффектом в регрессионной модели на всей выборке и разделением на подвыборки.

Результаты можно найти в двух следующих таблицах. В Табл. 2 приведены оценки с использованием доли городского населения в качестве основного предиктора. Можно увидеть, что гипотеза о стабильной прямолинейной зависимости на всей выборке отвергается на всех уровнях значимости. При этом мы наблюдаем криволинейность: на первой подвыборке (вигинтили 1–9) доля городского населения имеет положительную связь с количеством террористических атак, значимую на 1 % уровне значимости; на второй подвыборке (вигинтили 10–20) коэффициент негативный и значимый, в то время как на третьей подвыборке (вигинтили 18–20) коэффициент также является негативным и значимым, при этом большим в абсолютных значениях. Стоит отметить, что в случае, если подвыборки изначально разделены по медиане, коэффициент для второй половины процесса урбанизации является незначимым. Таким образом, результаты показывают, что уровень урбанизации является значимым предиктором количества террористических атак только на начальных этапах модернизации и для стран, которые зависят от городов и их городского населения.

³ В данном исследовании мы используем новый статистический пакет R (Bergé 2018) для оценки регрессионных моделей в связи с тем, что работу пакетов, используемых предыдущими исследователями (Zeileis et al. 2008), мы находим некорректной для задачи проверки двусторонних фиксированных эффектов.

Табл. 2. Оценки коэффициентов моделей для доли городского населения с использованием негативной биномиальной регрессии⁴

Зависимая переменная:	Число терактов					
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
Модель:	все	1–9	10–20	18–20	1–10	11–20
Переменные						
Доля городского населения	–0,01 (0,01)	0,09*** (0,02)	–0,04*** (0,01)	–0,33*** (0,05)	0,05*** (0,02)	–0,02 (0,01)
Логарифм численности населения	3,1*** (0,32)	–1,6** (0,65)	2,3*** (0,43)	0,47 (0,59)	–0,91 (0,63)	2,2*** (0,44)
Логарифм ВВП на душу населения	0,21 (0,15)	–0,66*** (0,23)	0,54** (0,26)	–0,9 (0,61)	–0,61*** (0,21)	0,52* (0,27)
Значение индекса <i>Polity5</i>	0,03*** (0,01)	–0,02 (0,01)	0,04*** (0,01)	0,01 (0,02)	–0,02 (0,01)	0,03*** (0,01)
Избыточная дисперсия (<i>over-dispersion</i>)	0,51	0,53	0,69	1,06	0,51	0,75
Фиксированные эффекты						
Страна	Да	Да	Да	Да	Да	Да
Год	Да	Да	Да	Да	Да	Да
Описательные статистики						
Наблюдения	4 867	2 276	2 566	678	2 491	2 325
Квадрат корреляции	0,301	0,346	0,314	0,431	0,237	0,331
Псевдо-R ²	0,169	0,190	0,190	0,223	0,185	0,194
BIC	22 946	9 733	13 046	3 041	10 755	11 957

Примечания: скорректированные стандартные ошибки.

Уровень значимости: *** <0,01, ** <0,05, * <0,1.

⁴ Значения строк означают подвыборки, используемые в соответствующем столбце. Например, значение «1–9» означает, что столбец соответствует подвыборке с 1-го по 9-й вигинтили урбанизации включительно.

Табл. 3 демонстрирует оценки для пятилетнего сглаженного среднего изменения доли городского населения как ключевого предиктора. В отличие от предыдущей спецификации, в данном случае нет оснований отвергнуть гипотезу о линейном влиянии роста доли городского населения на всей выборке на 5%-м уровне значимости. Иными словами, большой приток из сельской местности в города увеличивает количество терактов. При этом гипотеза о криволинейности получает более основательное статистическое подтверждение: коэффициенты для подвыборок значимы на 1%-м уровне значимости и имеют более высокие абсолютные значения. Стоит также отметить, что на начальных и конечных вигинтилях коэффициент значим независимо от границ разделения на подвыборки. Помимо этого, наш анализ показывает, что эффект как доли городского населения, так и пятилетнего среднего значения роста доли городского населения сохраняет значимость при введении контролей на политический режим и подушевой ВВП (иные комбинации контрольных переменных проверяются в следующей главе). Наконец, мы видим, что большинство контрольных переменных также являются значимыми. Мы интерпретируем это как дополнительное подтверждение значимости эффекта урбанизации в сравнении с альтернативными объяснениями.

Табл. 3. Оценки коэффициентов моделей для пятилетнего среднего изменения доли городского населения

Зависимая переменная:	Число терактов					
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
Вигинтили:	все	1–9	10–20	18–20	1–10	11–20
Переменные						
Рост урбанизации (дельта за 5 лет, среднее)	0,3** (0,13)	1,1*** (0,19)	-0,92*** (0,15)	-0,96** (0,4)	1,03*** (0,18)	-0,82*** (0,15)
Логарифм численности населения	3,1*** (0,3)	-0,4 (0,68)	1,7*** (0,37)	0,96* (0,57)	0,03 (0,63)	1,8*** (0,38)
Логарифм ВВП на душу населения	0,16 (0,15)	-0,53** (0,22)	0,47* (0,25)	-0,40 (0,56)	-0,57*** (0,20)	0,49* (0,26)
Значение индекса <i>Polity5</i>	0,03*** (0,01)	-0,01 (0,01)	0,04*** (0,01)	-0,05** (0,02)	-0,01 (0,01)	0,03** (0,01)

Окончание Табл. 3

Избыточная дисперсия (<i>overdispersion</i>)	0,509	0,536	0,698	0,929	0,523	0,759
Фиксированные эффекты						
Страна	Да	Да	Да	Да	Да	Да
Год	Да	Да	Да	Да	Да	Да
Описательные статистики						
Наблюдения	4 863	2 276	2 563	678	2 491	2 322
Квадрат корреляции	0,349	0,346	0,328	0,43	0,252	0,339
Псевдо-R ²	0,169	0,190	0,192	0,212	0,186	0,196
BIC	22 895	9 729	12 986	3 077	10 737	11 896

Примечания: скорректированные стандартные ошибки.

Уровень значимости: *** <0,01, ** <0,05, * <0,1.

Также следует отметить, что модели с квадратичным эффектом и иными прокси для политического режима (*Freedom House* вместо индекса *Polity5*) согласуются с обнаруженными выше взаимосвязями. Это означает, что модели с квадратичным эффектом также демонстрируют наличие значимой обратной U-образной взаимосвязи между уровнем урбанизации и количеством террористических атак (при этом значимость для доли городского населения выше и стабильнее значимости коэффициентов для пятилетнего среднего)⁵. В то же время модели с индексом *Freedom House* демонстрируют тот же паттерн взаимосвязи, что и модели с индексом *Polity5*.

Дополнительная проверка

Чтобы проверить состоятельность полученных результатов, мы используем альтернативный способ оценки с учетом избыточной дисперсии как особенности используемых данных: он предполагает квазипуассоновское распределение нашей зависимой переменной⁶. Мы делаем это с целью показать, что наши результаты не изменят-

⁵ Значимость эффекта доли городского населения более стабильна, чем значимость темпа урбанизации – скользящего среднего

⁶ См. аналогичные спецификации моделей: Sanso-Navarro, Vera-Cabello 2020.

ся даже при введении различных предпосылок о распределении зависимой переменной. При этом мы сохраняем деление на вигинтили таким же, как и в основных моделях, а также расширяем число контрольных переменных.

Наряду с предикторами, включенными в качестве объясняющих переменных в основные модели, такие факторы, как государственная состоятельность⁷, число беженцев, а также уровень участия женщин в рабочей силе (в процентах от общего женского населения работоспособного возраста), могут влиять на вероятность совершения теракта. Однако необходимо отметить, что эти механизмы, как правило, характерны для развивающихся обществ, то есть с большой вероятностью не являются как таковыми предикторами усиления террористической активности, а лишь сопутствуют более общим причинно-следственным связям, которые включаются в переходных обществах. Недостаток государственной состоятельности подразумевает, что агенты государства не имеют возможности обеспечить необходимый объем инвестиций в молодые, преимущественно сельские общества. А значимость фактора женской рабочей силы позволяет нам опровергнуть возможное предположение о влиянии исключительно географических и национальных особенностей стран: мы не можем утверждать, что в государствах Среднего Востока происходит больше террористических актов за счет географического положения.

Наконец, дополнительная переменная, отражающая количество беженцев, позволяет охватить фактор наличия отдельной уязвимой группы среди населения. В связи с отсутствием финансовой стабильности и культурными конфликтами в таких группах они становятся фундаментом для формирования террористических организаций⁸. Помимо этого, мы производим повторную оценку эффекта роста городского населения на террористическую активность, используя квазипуассоновские регрессионные модели с фиксированными эффектами на страну и год, а также скорректированные стандартные ошибки. Основное отличие от первоначальных нега-

⁷ Мы используем латентный индекс государственной состоятельности, который состоит из измерения нескольких прокси-переменных, охватывающих различные составляющие государственной состоятельности. См.: Hanson, Sigman 2013.

⁸ См.: Okafor, Piesse 2018.

тивных биномиальных моделей состоит в том, что они избавляют нас от негативных последствий избыточной дисперсии данных. Квазипуассоновское распределение оценивает параметр дисперсии на основе имеющихся данных таким образом, что он отличен от теоретического значения параметра λ . Все модели, представленные нами в данной работе, оцениваются с учетом скользящего среднего значения роста городского населения, а также доли горожан в общей численности населения. В качестве зависимой переменной выступает количество террористических атак. Помимо этого, мы используем иной индикатор демократии, а именно: индекс *Freedom House* (2020), с целью избежать потенциальных отклонений в классификации политических режимов. Результаты оценки альтернативных моделей приведены в Табл. 4 и 5.

Табл. 4. Оценка эффекта доли городского населения с использованием квазипуассоновского распределения

		Зависимая переменная:		
		Число терактов		
Вигинтили:	1–9	10–20	10–20	11–20
Доля городского населения	0,1*** (0,01)	0,07*** (0,01)	-0,11*** (0,02)	-0,12*** (0,02)
Логарифм численности населения	0,11 (0,19)	0,64*** (0,20)	0,09 (0,35)	-0,09 (0,36)
Логарифм ВВП на душу населения	0,17*** (0,04)	0,15*** (0,03)	0,05* (0,03)	0,05* (0,03)
Значение индекса демократии <i>Freedom House</i>	2,88*** (0,65)	3,76*** (0,61)	5,45*** (0,61)	5,47*** (0,61)
Наблюдения	3 081	3 400	3 638	3 319

Примечания: Скорректированные стандартные ошибки.
Уровень значимости: *** <0,01, ** <0,05, * <0,1.

Табл. 5. Оценка эффекта скользящего среднего значения роста городского населения с использованием квазипуассоновского распределения

		Зависимая переменная:		
		Число терактов		
Вигинтили:	1–9	10–20	10–20	11–20
Рост урбанизации (дельта за 5 лет, среднее)	0,82*** (0,16)	0,74*** (0,17)	0,03 (0,25)	0,40 (0,29)
Логарифм численности населения	3,23*** (0,78)	3,76*** (0,66)	5,71*** (0,72)	5,71*** (0,72)
Логарифм ВВП на душу населения	0,02 (0,2)	0,44** (0,2)	0,46 (0,36)	0,23 (0,38)
Значение индекса де- мократии <i>Freedom House</i>	0,11*** (0,03)	0,12*** (0,03)	0,03 (0,03)	0,01 (0,03)
Наблюдения	3 081	3 400	3 638	3 319

Примечания: Скорректированные стандартные ошибки.

Уровень значимости: *** <0,01, ** <0,05, * <0,1.

В целом результаты альтернативных моделей согласуются с теми эффектами, которые были выявлены при тестировании основных моделей с негативной биномиальной регрессией. Включение 10-го вигинтиля в первую половину выборки не меняет ни значимости коэффициента, ни направления взаимосвязи по сравнению с разделением по медиане. Заметим, что в случае доли городского населения квадратичная взаимосвязь подтверждает себя при проверке на устойчивость (см. Табл. 4). Однако мы не находим подтверждения негативной взаимосвязи на более высоких уровнях урбанизации в случае темпа роста городского населения (см. Табл. 5). Этот результат частично опровергает нашу четвертую гипотезу, но все же мы не отрицаем возможность существования заявленной нелинейной взаимосвязи.

Заметим, что эффект контрольных переменных соответствует нашим изначальным предположениям: 1) размер населения имеет положительный (либо незначимый) коэффициент; 2) ВВП на душу населения и уровень демократии влияют на количество террористических атак только в тех странах, где доля городского населения мала, а в странах с высокой урбанизацией эффект остается незна-

чимым. Это отражает нелинейность взаимосвязи предикторов с уровнем террористической активности.

Далее мы приводим результаты моделей с включением дополнительных контрольных переменных для негативной биномиальной регрессии с фиксированными эффектами на страну и на год.

Табл. 6. Оценка эффекта доли городского населения в моделях с дополнительными контрольными переменными

Зависимая переменная:	число терактов			
Модель:	(1)	(2)	(3)	(4)
Вигинтили:	1–9	1–10	10–20	11–20
Переменные				
	0,06*	0,05*	-0,17***	-0,13***
Share of urban population	(0,03)	(0,03)	(0,03)	(0,03)
Логарифм численности населения	-3,7***	-3,34***	1,82***	1,71**
	(0,97)	(0,93)	(0,70)	(0,70)
Логарифм ВВП на душу населения	-0,69**	-0,61**	0,74*	0,8*
	(0,31)	(0,3)	(0,43)	(0,44)
Значение индекса демократии <i>Freedom House</i>	0,18***	0,17***	0,2***	0,19***
	(0,03)	(0,03)	(0,04)	(0,04)
Доля женщин, занятых в экономике	0,05	0,05*	-0,04***	-0,05***
	(0,03)	(0,03)	(0,01)	(0,01)
Логарифм числа беженцев	0,1***	0,11***	0,08***	0,06**
	(0,03)	(0,03)	(0,02)	(0,02)
Государственная состоятельность	-0,02	-0,21	-0,86***	-0,88***
	(0,19)	(0,19)	(0,19)	(0,19)
Избыточная дисперсия (<i>overdispersion</i>)	0,79	0,78	1,14	1,21
Фиксированные эффекты				
Страна	Да	Да	Да	Да
Год	Да	Да	Да	Да
Описательные статистики				
Наблюдения	1 096	1 189	1 431	1 306
Квадрат корреляции	0,45	0,4	0,18	0,22
Псевдо-R ²	0,19	0,19	0,24	0,24
BIC	5 661	6 023	7 007	6 579

Примечания: Скорректированные стандартные ошибки.

Уровень значимости: *** <0,01, ** <0,05, * <0,1.

Табл. 7. Оценка эффекта скользящего среднего значения роста городского населения в моделях с дополнительными контрольными переменными

Зависимая переменная:	число терактов			
	(1)	(2)	(3)	(4)
Модель:				
Вигинтили:	1–9	1–10	10–20	11–20
Переменные				
Share of urban population	0,51** (0,25)	0,5** (0,23)	-0,02 (0,22)	0,2 (0,22)
Логарифм численности населения	-3,48*** (0,95)	-3,09*** (0,90)	0,86 (0,81)	1,12 (0,77)
Логарифм ВВП на душу населения	-0,62** (0,30)	-0,55* (0,29)	0,94* (0,51)	0,96* (0,51)
Значение индекса демократии <i>Freedom House</i>	0,17*** (0,03)	0,16*** (0,03)	0,21*** (0,04)	0,2*** (0,04)
Доля женщин, занятых в экономике	0,05* (0,03)	0,05* (0,03)	-0,04*** (0,01)	-0,05*** (0,01)
Логарифм числа беженцев	0,11*** (0,03)	0,11*** (0,03)	0,08*** (0,03)	0,05** (0,02)
Государственная состоятельность	-0,04 (0,19)	-0,24 (0,19)	-0,85*** (0,23)	-0,88*** (0,22)
Избыточная дисперсия (<i>overdispersion</i>)	0,79	0,78	1,06	1,16
Фиксированные эффекты				
Страна	Да	Да	Да	Да
Год	Да	Да	Да	Да
Описательные статистики				
Наблюдения	1 096	1 189	1 431	1 306
Квадрат корреляции	0,47	0,41	0,35	0,38
Псевдо-R ²	0,19	0,19	0,24	0,24
ВС	5 661	6 022	7 052	6 606

Примечания: Скорректированные стандартные ошибки.

Уровень значимости: *** <0,01, ** <0,05, * <0,1.

Все представленные выше модели подтверждают изначальные тезисы, выдвинутые в данной работе. Используемый тип моделей все еще остается нестабильным по причине наличия мультиколлинеарности, однако все коэффициенты при интересующих нас независимых факторах (скользящее среднее значение роста городского населения, доля городского населения в общей численности населения) либо соответствуют выдвинутым нами тезисам и сохраняют значимость даже при введении дополнительных факторов, либо теряют значимость, но не меняют направление связи. Опять же, заметим, что результаты сохраняются во всех вариациях разделения на подвыборки. А включенные дополнительные факторы либо оказываются незначимыми, либо оказывают влияние на зависимую переменную в соответствии с концепцией С. Хантингтона о том, что развитие и модернизация на ранних стадиях могут быть опасны и даже разрушительны для общества⁹.

Дополнительные замечания

В данной части работы мы приводим фактические подтверждения найденной взаимосвязи, опираясь на более конкретные свидетельства. Большинство наблюдений, подтверждающих наблюдаемую положительную взаимосвязь для низких уровней урбанизации, в основном относятся к странам южнее Сахары, а также Южной и Юго-Восточной Азии (см. полный список наблюдений в Табл. 4 Приложения). Как показано в части с результатами основных моделей, мы видим значимую положительную взаимосвязь между урбанизацией и терактами в странах, где меньше половины населения проживает в городах¹⁰. Это соответствует как историческим примерам, так и теоретической рамке исследования.

Более того, выявленная взаимосвязь подтверждает гипотезу Хантингтона о росте насилия и общей дестабилизации на ранних стадиях модернизации. Мы видим много примеров в странах Латинской Америки на первых десятилетиях урбанизации – это соответствует резкому скачку населения в регионе (Bongaarts 2009)

⁹ См. коэффициенты при факторах «доля женского участия в рабочей силе», а также при индексе государственной состоятельности – отрицательные либо незначимые.

¹⁰ См. модели 2 и 5 в Табл. 2 и 3.

с 0,17 млрд до 0,56 млрд. Вместе с тем произошел скачок в количестве террористических актов в странах Центральной Америки и Карибского региона в конце XX в. В частности, можно отметить более высокий уровень террористической активности в этот период, по сравнению со средними значениями, в следующих странах. Среди них Сальвадор, где произошел рост урбанизации с 43 % до 50 % за период с конца 1970-х по начало 1990-х гг. Эти годы для страны совпали с резким скачком террористических атак и периодом гражданской войны – явными маркерами дестабилизации. Данный случай идет в ногу с нашими ожиданиями роста терроризма в конце первого демографического перехода, поскольку снижение фертильности в Сальвадоре пришлось на середину 1960-х гг. (Reher 2004). Аналогичная взаимосвязь имеет место в Никарагуа в 1978–1983 гг., что соответствует революционному периоду, завершившемуся в 1979 г., и предшествует периоду вооруженного конфликта в 1980-х гг., который снова подтверждает нашу гипотезу о связи урбанизации и дестабилизации. Подобную ситуацию мы видим и в Гондурасе в последние 20 лет прошлого столетия: уровень городского населения вырос с 36 % до 43 %, что являлось значительным скачком для страны, интенсивность террористических атак также значительно возросла. При этом важно отметить, что период нестабильности в Центральной Америке с 1980-х до 1990-х гг. прошлого века, конечно, может иметь и другие объяснения помимо урбанизации. Однако наблюдаемые явления соответствуют нашей теоретической рамке и статистическим выводам.

Что касается Среднего Востока и Северной Африки, мы можем отметить наглядное проявление заявленной взаимосвязи в Турции в 70-х гг., Иране, Сирии в начале 80-х гг., а также в современном Египте, Йемене и других государствах. В Египте мы имеем дело с резким скачком городского населения после 2009 г., что сопровождается взрывом в террористической деятельности, террористическими атаками в Каире, а также многочисленными случаями терроризма в 2012–2017 гг. после Арабской весны. В завершение мы обратимся к работе (Sciubba 2012), в которой она прослеживает различия в городах XIX и XX в. В теории эти отличия могут повлиять на заявленную взаимосвязь и изменить ее за счет того, что старые и новые города качественно не похожи. Как пишет иссле-

довательница, с одной стороны, урбанизация может ускориться, и плотность городского населения вырастет, что, в свою очередь, послужит катализатором террористической активности. С другой стороны, за счет прогресса технологий коммуникации горожане смогут лучше поддерживать семейные связи. Как мы считаем, это может привести к двойственным результатам. Потенциальное снижение фрустрации первого поколения пролетариата – положительный тренд. Однако такие формы взаимосвязи могут привести к размыванию стремления к ассоциации в городе, что может стать причиной развития нового недовольства. Иными словами, несмотря на нашу уверенность в полученных результатах, мы предполагаем возможность рассмотрения темы позднее в более новой оптике.

Заключение

В настоящей статье мы провели анализ различных аспектов влияния урбанизации на количество терактов. Мы выдвинули несколько гипотез, объясняющих это влияние. Во-первых, авторы, исследующие террористов как рациональных агентов, предполагают, что у тех должна быть бóльшая склонность атаковать города по сравнению с сельскими районами, в связи с большим освещением таких событий в медиа, с одной стороны, и более развитой логистикой, с другой стороны. Основываясь на этих доказательствах, мы тестируем гипотезу о существовании общего эффекта урбанизации на терроризм. Во-вторых, мы наблюдаем, что проблемы возникают из-за быстрых темпов модернизации, в частности, из-за интенсивной миграции из сельской местности в города, в результате которой многие люди живут в социальных и жизненных условиях, к которым они не привыкли и в которые не вписываются. Эта гипотеза согласуется с более общей теоретической рамкой, в которой страны в процессе модернизации менее стабильны, чем уже модернизированные или еще не модернизированные, и более частным предположением о том, что модернизация отрицательно влияет на стабильность в начале процесса и положительно – в его конце. В связи с этим мы также проверяем гипотезу о росте терроризма на более низких уровнях урбанизации и снижении на более высоких уровнях.

Несмотря на то, что эти гипотезы имели разную природу, в этой статье мы нашли доказательства в пользу некоторых из них.

Мы не нашли доказательств, подтверждающих гипотезу о том, что большая склонность и относительная простота совершения теракта в городе приводят к большему количеству террористических актов в более урбанизированных странах, хотя, ввиду имеющихся свидетельств, мы не можем отрицать того факта, что совершение теракта в городе требует меньших издержек, что дает террористам мотивацию к совершению атак. В то же время мы обнаружили, что приток переселенцев из деревни в города действительно в тенденции ведет к увеличению количества терактов. Мы предполагаем, что это является по большей части результатом фрустрации и отсутствия надлежащих социальных связей у пролетариата первого поколения, с одной стороны, и отсутствия адекватных условий жизни в новых урбанизированных районах, – с другой. В то же время мы считаем, что противоположная гипотеза о криволинейном эффекте имеет больше объяснительной силы, что, однако, не умаляет важности найденных доказательств.

Что касается двух других гипотез, мы обнаружили, что влияние урбанизации и ее темпа имеет перевернутую U-образную форму с точкой перегиба около медианы. Более высокая доля городского населения является значимым предиктором количества терактов на начальных этапах процесса урбанизации. В соответствии с существующими исследованиями и теоретической рамкой, рост численности пролетариата первого поколения увеличивает количество террористических атак на первых этапах урбанизации, чего не наблюдается на более поздних этапах урбанизационного перехода, поскольку поток переселенцев из деревни в город сокращается по мере выхода урбанизации на уровень насыщения. Этот эффект оказался нестабильным при включении различных наборов контрольных переменных и при использовании альтернативного распределения зависимых переменных; однако криволинейный характер зависимости сохраняется. Мы связываем криволинейность с теорией С. Хантингтона об истинной причине нестабильности: проблема не в модернизации как таковой, а в модернизации в сочетании с отсутствием необходимых политических институтов. Это объяснение подтверждается отрицательными или снижающимися эффектами как уровня урбанизации, так и темпов урбанизации на поздних этапах этого процесса.

Библиография

- Васькин И. А., Коротаев А. В., Цирель С. В. 2018.** Экономический рост, образование и терроризм: опыт количественного анализа. *Социологический журнал* 24(2): 28–65. URL: <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.2.5844>.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2009.** Урбанизация и политическая нестабильность: к разработке математических моделей политических процессов. *Полис. Политические исследования* 4: 34–52.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2012.** *Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы. Исследование кондратьевских, жюглярских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек.* М.: ЛКИ/URSS.
- Зинькина Ю. В., Гринин Л. Е., Ильин И. В., Андреев А. И., Алешковский И. А., Шульгин С. Г., Коротаев А. В. 2017.** *Историческая глобалистика. Т. 2. XIX век.* М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель»; Изд-во Моск. ун-та.
- Коротаев А. В. 2012.** Ловушка на выходе из ловушки. К математическому моделированию социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии. *Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие* / Ред. Ж. Т. Тощенко. М.: РСО. С. 1483–1489.
- Коротаев А., Васькин И., Билюга С. 2017.** Гипотеза Олсона – Хантингтона о криволинейной зависимости между уровнем экономического развития и социально-политической дестабилизацией: опыт количественного анализа. *Социологическое обозрение* 16(1): 9–49.
- Коротаев А. В., Гринин Л. Е., Божевольнов Ю. В., Зинькина Ю. В., Малков С. Ю. 2011.** Ловушка на выходе из ловушки. Логические и математические модели. *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: Красанд/URSS. С. 138–164.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2010а.** К прогнозированию динамики политической нестабильности в странах Африки на период до 2050 г. *Динамика африканских обществ: закономерности, тенденции, перспективы* / Ред. А. Д. Саватеев, И. В. Следзевский. М.: РГГУ. С. 65–80.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2010б.** Прогнозирование социополитических рисков: ловушка на выходе из мальтузианской ловушки. *Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»* 36: 101–103.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011а.** Египетская революция 2011 г. *Азия и Африка сегодня* 6(647): 10–16; 7 (648): 15–21.

- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011б.** Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ. *Историческая психология и социология истории* 4(2): 5–29.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2012.** Структурно-демографические факторы «арабской весны». *Протестные движения в арабских странах. Предпосылки, особенности, перспективы* / Ред. И. В. Следзевский, А. Д. Саватеев. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 28–40.
- Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2014.** Ловушка на выходе из мальтузианской ловушки в современных модернизирующихся обществах. *История и Математика: Аспекты демографических и социально-экономических процессов* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев. Волгоград: Учитель. С. 43–98.
- Коротаев А. В., Малков С. Ю., Бурова А. Н., Зинькина Ю. В., Ходунов А. С. 2012.** Ловушка на выходе из ловушки. Математическое моделирование социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии и события Арабской весны 2011 г. *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 210–276.
- Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Кобзева С. В., Зинькина Ю. В. 2011.** Ловушка на выходе из ловушки? О некоторых особенностях политико-демографической динамики модернизирующихся систем. *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: Кранд/URSS. С. 45–88.
- Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Малков А. С., Божевольнов Ю. В., Кобзева С. В., Зинькина Ю. В. 2010.** *Законы истории. Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития*. 3-е изд., испр. и доп. М.: ЛКИ/URSS.
- Миронов Б. Н. 2013.** *Страсти по революции*. М.: Весь мир.
- Хантингтон С. 2017 [1968].** *Политический порядок в меняющихся обществах*. М.: ЛитРес.
- Abadie A. 2006.** Poverty, Political Freedom, and the Roots of Terrorism. *American Economic Review* 96(2): 50–56. URL: <https://doi.org/10.1257/000282806777211847>.
- Adelaja A., George J. 2019.** Grievances, Latent Anger and Unrest in Africa. *African Security* 12(1): 111–140. URL: <https://doi.org/10.1080/19392206.2019.1599641>.

- Azam J.-P. 2012.** Why suicide-terrorists get educated, and what to do about it. *Public Choice* 153(3–4): 357–373. URL: <https://doi.org/10.1007/s11127-011-9798-7>.
- Azam J. P., Delacroix A. 2006.** Aid and the Delegated Fight against Terrorism. *Review of Development Economics* 10(2): 330–344. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9361.2006.00321.x>.
- Beall J. 2006.** Cities, Terrorism and Development. *Journal of International Development* 18(1): 105–120. URL: <https://doi.org/10.1002/jid.1265>.
- Bergé L. 2018.** *Efficient Estimation of Maximum Likelihood Models with Multiple Fixed-effects: The R Package FENmlm*. CREA Discussion Paper 2018-13.
- Berrebi C. 2007.** Evidence about the Link Between Education, Poverty and Terrorism among Palestinians. *Peace Economics, Peace Science and Public Policy* 13(1): 18–53.
- Bongaarts J. 2009.** Human Population Growth and the Demographic Transition. *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences* 364(1532): 2985–2990. URL: <https://doi.org/10.1098/rstb.2009.0137>.
- Brockhoff S., Krieger T., Meierrieks D. 2010.** *Ties that do not Bind (Directly): The Education-Terrorism Nexus Revisited*. Paderborn: Paderborn University (Working Papers CIE 26).
- Buhaug H., Urdal H. 2013.** An Urbanization Bomb? Population Growth and Social Disorder in Cities. *Global Environmental Change* 23(1): 1–10. URL: <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2012.10.016>
- Burgoon B. 2006.** On Welfare and Terror: Social Welfare Policies and Political-economic Roots of Terrorism. *Journal of Conflict Resolution* 50(2): 176–203. URL: <https://doi.org/10.1177/0022002705284829>.
- Campos N., Gassebner M. 2013.** International Terrorism, Domestic Political Instability, and the Escalation Effect. *Economics and Politics* 25(1): 27–47. URL: <https://doi.org/10.1111/ecpo.12002>.
- Center for Systemic Peace. 2020.** *Polity5 Database*. Vienna, VA: Center for Systemic Peace. URL: <http://www.systemicpeace.org/inscr/p5v2018.xls>.
- Coward M. 2009.** Network-Centric Violence, Critical Infrastructure and the Urbanization of Security. *Security Dialogue* 40(4–5): 399–418. URL: <https://doi.org/10.1177/0967010609342879>.
- Crenshaw M. 1981.** The Causes of Terrorism. *Comparative Politics* 13(4): 379–399. URL: <http://www.jstor.org/stable/421717>.
- Daniel M., Thomas G. 2013.** Causality between Terrorism and Economic Growth. *Journal of Peace Research* 50(1): 91–104. URL: <https://doi.org/10.1177%2F0022343312445650>.

- Danzell O., Yeh Y.-Y., Pfannenstiel M. 2018.** Does Education Mitigate Terrorism? Examining the Effects of Educated Youth Cohorts on Domestic Terror in Africa. *Terrorism and Political Violence*. URL: <https://doi.org/10.1080/09546553.2018.1506336>.
- De Mesquita E. B. 2005.** The Quality of Terror. *American Journal of Political Science* 49(3): 515–530. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2005.00139.x>.
- Dreher A., Fischer J. 2010.** Government Decentralization as a Disincentive for Transnational Terror? An Empirical Analysis. *International Economic Review* 51(4): 981–1002. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2354.2010.00608.x>.
- Enders W., Hoover G. 2012.** The Nonlinear Relationship between Terrorism and Poverty. *American Economic Review* 102(3): 267–272.
- Enders W., Hoover G., Sandler T. 2016.** The Changing Nonlinear Relationship between Income and Terrorism. *Journal of Conflict Resolution* 60(2): 195–225.
- Eubank W., Weinberg L. 1994.** Does Democracy Encourage Terrorism? *Terrorism and Political Violence* 6(4): 417–435. URL: <https://doi.org/10.1080/09546559408427271>.
- Eubank W., Weinberg L. 2001.** Terrorism and Democracy: Perpetrators and Victims. *Terrorism and Political Violence* 13(1): 155–164. URL: <https://doi.org/10.1080/09546550109609674>.
- Eyerman J. 1998.** Terrorism and Democratic States: Soft Targets or Accessible Systems. *International Interactions* 24(2): 151–170. URL: <https://doi.org/10.1080/03050629808434924>.
- Freedom House 2020.** *Country and Territory Ratings and Statuses, 1973–2019*. Washington, DC: Freedom House. URL: <https://freedomhouse.org/report-types/freedom-world>.
- Freytag A., Krüger J., Meierrieks D. 2011.** The Origins of Terrorism: Cross-Country Estimates on Socio-economic Determinants of Terrorism. *European Journal of Political Economy* 27: 5–16. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2011.06.009>.
- Gaibulloev K., Piazza J. A., Sandler T. 2017.** Regime Types and Terrorism. *International Organization* 71(3): 491–522. URL: <https://doi.org/10.1017/S0020818317000169>.
- Gassebner M., Luechinger S. 2011.** Lock, Stock, and Barrel: A Comprehensive Assessment of the Determinants of Terror. *Public Choice* 149(3): 235–261. URL: <https://doi.org/10.1007/s11127-011-9873-0>.

- Geifman A. 2005.** Psychohistorical Approaches to 1905 Radicalism. *The Russian Revolution of 1905: Centenary Perspectives* / Ed. by J. D. Smele, A. Hey-wood. London: Routledge. Pp. 13–33. URL: <https://doi.org/10.2307/27652817>.
- Ghatak S., Gold A. 2017.** Development, Discrimination, and Domestic Terrorism: Looking beyond a Linear Relationship. *Conflict Management and Peace Science* 34(6): 618–639. URL: <https://doi.org/10.1177/0738894215608511>.
- Hanson J., Sigman R. 2013.** Leviathan's Latent Dimensions: Measuring State Capacity for Comparative Political Research. Paper presented at APSA 2011 Annual Meeting.
- Huntington S. P. 1968.** *Political Order in Changing Societies*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Ibimilua A. 2011.** The Nigerian National Housing Policy in Perspective: A Critical Analysis. *Journal of Social Development in Africa* 26(2): 165–188.
- Kahn J., Weiner T. 2002.** World Leaders Rethinking Strategy on Aid to Poor. *The New York Times* March 18. URL: <https://www.nytimes.com/2002/03/18/world/world-leaders-rethinking-strategy-on-aid-to-poor.html>.
- Kis-Katos K., Liebert H., Schulze G. 2011.** On the Origin of Domestic and International Terrorism. *European Journal of Political Economy* 27: 17–36. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2011.02.002>.
- Kornhauser W. 1959.** *The Politics of Mass Society*. Glencoe: The Free Press.
- Korotayev A. 2014.** Technological Growth and Sociopolitical Destabilization: A Trap at the Escape from the Trap? *Socio-Economic and Technological Innovations: Mechanisms and Institutions* / Ed. by K. Mandal, N. Asheulova, S. G. Kirdina. New Delhi: Narosa Publishing House. Pp. 113–134.
- Korotayev A., Malkov S., Grinin L. 2014.** A Trap at the Escape from the Trap? Some Demographic Structural Factors of Political Instability in Modernizing Social Systems. *History and Mathematics* 4: 201–267.
- Korotayev A., Vaskin I., Tsirel S. 2019.** Economic Growth, Education, and Terrorism: A Re-Analysis. *Terrorism and Political Violence*. URL: <https://doi.org/10.1080/09546553.2018.1559835>.
- Korotayev A., Zinkina J., Kobzeva S., Bozhevolnov J., Khaltourina D., Malkov A., Malkov S. 2011.** A Trap At The Escape From The Trap? Demographic-Structural Factors of Political Instability in Modern Africa and West Asia. *Clodynamics* 2(2): 276–303. URL: <http://dx.doi.org/10.21237/C7clio22217>.

- Krueger A., Malečková J. 2003.** Education, Poverty and Terrorism: Is there a Causal Connection? *Journal of Economic Perspectives* 17(4): 119–144. URL: <https://doi.org/10.1257/089533003772034925>.
- Lai B. 2007.** “Draining the Swamp”: An Empirical Examination of the Production of International Terrorism, 1968–1998. *Conflict Management and Peace Science* 24(4): 297–310.
- Marineau J., Pascoe H., Braithwaite A., Findley M., Young J. 2020.** The Local Geography of Transnational Terrorism. *Conflict Management and Peace Science* 37(3): 350–381. URL: <https://doi.org/10.1177/0738894218789356>.
- Mccartan L., Masselli A., Rey M., Rusnak D. 2008.** The Logic of Terrorist Target Choice: An Examination of Chechen Rebel Bombings from 1997–2003. *Studies in Conflict & Terrorism* 31(1): 60–79. URL: <https://doi.org/10.1080/10576100701767122>.
- Mendel D., Kornhauser W. 1959.** The Politics of Mass Society. *Western Political Quarterly* 13(3): 817–819.
- Ness C. (Ed.). 2007.** *Female Terrorism and Militancy. Agency, Utility, and Organization*. London: Routledge.
- Newman E. 2006.** Exploring the “Root Causes” of Terrorism. *Studies in Conflict & Terrorism* 29(8): 749–772. URL: <https://doi.org/10.1080/10576100600704069>.
- Okafor G., Piesse J. 2018.** Empirical Investigation into the Determinants of Terrorism: Evidence from Fragile States. *Defence and Peace Economics* 29(6): 697–711. URL: <https://doi.org/10.1080/10242694.2017.1289746>.
- Østby G. 2016.** Rural-urban Migration, Inequality and Urban Social Disorder: Evidence from African and Asian Cities. *Conflict Management and Peace Science* 33(5): 491–515. URL: <https://doi.org/10.1177/0738894215581315>.
- Piazza J. 2006.** Rooted in Poverty?: Terrorism, Poor Economic Development, and Social Cleavages. *Terrorism and Political Violence* 18(1): 159–177. URL: <https://doi.org/10.1080/095465590944578>.
- Piazza J. 2009.** Economic Development, Poorly Managed Political Conflict and Terrorism in India. *Studies in Conflict & Terrorism* 32(5): 406–419. URL: <https://doi.org/10.1080/10576100902831552>.
- Python A., Illian J., Jones-Todd C., Blangiardo M. 2019.** The Deadly Facets of Terrorism. *Significance* 16(4): 28–31. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1740-9713.2019.01300.x>.
- Reher D. 2004.** The Demographic Transition Revisited as a Global Process. *Population, Space and Place* 10(1): 19–41. URL: <https://doi.org/10.1002/psp.313>.

- Sanso-Navarro M., Vera-Cabello M. 2020.** The Socioeconomic Determinants of Terrorism: A Bayesian Model Averaging Approach. *Defence and Peace Economics* 31(3): 269–288. URL: <https://doi.org/10.1080/10242694.2018.1525935>.
- Savitch H., Ardashev G. 2001.** Does Terror Have an Urban Future? *Urban Studies* 38(13): 2515–2533. URL: <https://doi.org/10.1080/00420980120107529>.
- Schmid A. 1992.** Terrorism and Democracy. *Terrorism and Political Violence* 4(4): 14–25. URL: <https://doi.org/10.1080/09546559208427173>.
- Sciubba J. 2012.** Demography and Instability in the Developing World. *Orbis* 56(2): 267–277. URL: <https://doi.org/10.1016/j.orbis.2012.01.009>.
- Seung-Whan C. 2015.** Economic Growth and Terrorism: Domestic, International, and Suicide. *Oxford Economic Papers* 67(1): 157–181. URL: <https://doi.org/10.1093/oep/gpu036>.
- Skoczylis J., Andrews S. 2019.** A Conceptual Critique of Prevent: Can Prevent be Saved? No, but... *Critical Social Policy* 40(3): 350–369. URL: <https://doi.org/10.1177/0261018319840145>.
- Smele J. D., Heywood A. 2005.** *The Russian Revolution of 1905: Centenary perspectives*. London: Routledge.
- START [National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism]. 2020.** *Global Terrorism Database*. College Park: University of Maryland. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd>.
- Tavares J. 2004.** The Open Society Assesses its Enemies: Shocks, Disasters and Terrorist Attacks. *Journal of Monetary Economics* 51(5): 1039–1070. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jmoneco.2004.04.009>.
- UNDP [United Nations Development Program]. 2020.** *Human Development Data (1990–2018)*. New York, NY: UNDP URL: <http://hdr.undp.org/en/data>.
- UNPD [United Nations Populations Division]. 2020.** *United Nations Population Division Database*. New York, NY: United Nations Population Division. URL: <http://www.un.org/en/development/desa/population/>.
- World Bank. 2020.** *World Development Indicators*. Washington, DC: The World Bank.
- Yue P. 2008.** Rapid Urbanization and Its Problems. *Challenges of the Muslim World* 19(7): 161–171. URL: [https://doi.org/10.1016/S1571-0386\(07\)00016-6](https://doi.org/10.1016/S1571-0386(07)00016-6).
- Zeileis A., Kleiber C., Jackman S. 2008.** Regression Models for Count Data in R. *Journal of Statistical Software* 27(8): 1–25. URL: <https://doi.org/10.18637/jss.v027.i08>.